Завтра снова воскресенье

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Завтра снова воскресенье

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Завтра снова воскресенье / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Дарья Рогова собирается уехать из Выборга: в Петербурге её ждут новая школа и комната, в которой можно наконец пожить для себя. Осталось отдать ученику тетрадь, починить чемодан и проститься с городом. Но в понедельник утром снова наступает воскресенье.Возвращаются потраченные деньги и выброшенные вещи. Дарья помнит прожитый день. Пока одни ищут выход, другие учатся музыке, собирают соседей на концерт и находят время для тех, до кого годами не доходили руки. Дарья тоже встречает человека, рядом с которым уже не хочется торопиться к поезду.А один из знакомых помнит разговоры, которых для неё никогда не было. Чтобы понять причину повторов, придётся добиться от него ответа. И решить, что делать с прекрасным днём, который не даёт наступить чужому завтра.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воскресенье на дорожку 5
Глава 2. Та же сдача 14
Глава 3. До Рощина и обратно 21
Глава 4. День, который можно потратить 28
Глава 5. У кого наступил понедельник 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

А.М. Сунгурский
Завтра снова воскресенье

Глава 1. Воскресенье на дорожку

Дарья уложила вещи в чемодан и оставила его открытым. Тетрадь ученика она брать с собой не собиралась, но возвращать непрочитанной было стыдно.

Два платья, брюки, бельё, полотенца и свитер лежали под стянутыми ремнями; в кармане на молнии торчал угол папки с дипломом. Толстую тетрадь в жёлтой обложке Дарья переложила с кровати на стол, потом на подоконник. Там она и осталась.

Тетрадь принадлежала Вениамину Бажину. В мае он принёс ей собственный рассказ вместо сочинения по Островскому и сказал, что о непрочитанном писать нечестно. Дарья ответила, что честность не освобождает от чтения. Сейчас эта безупречная фраза представлялась ей особенно скверной.

За окном уже светало. В шесть зазвонил телефон, зажатый под её левой ладонью; Дарья потянулась выключить будильник и только тогда поняла, что опять задремала поверх покрывала. Правая ступня, свесившаяся с кровати, замёрзла. Она натянула носок и посмотрела на чемодан с такой неприязнью, словно именно он не давал ей уехать.

В понедельник в Петербурге её ждала новая работа. Пока без учеников: познакомиться с коллегами, получить расписание, разобраться с кабинетами и электронной школьной жизнью, устроенной всюду одинаково и всякий раз с каким-нибудь местным препятствием. До сентября оставалась неделя. Комната была найдена, деньги переведены, ключи обещали передать вечером. Дарья решила ехать в понедельник утром и ещё не предупредила хозяйку. Знакомая завуч написала: «Только не вздумай передумать. У нас русский опять на мне».

Дарья не передумала. Она просто не отдала Бажину тетрадь.

В мессенджере последнее его сообщение осталось без ответа: «А вы до отъезда успеете?» Оно пришло во вторник. В среду Дарья начала ответ со слов «Веня, я внимательно…», увидела, что ещё ничего внимательно не сделала, и стёрла. В четверг была справка, в пятницу — передача кабинета; субботу она провела, разбирая вещи и никак не решая, что взять с собой.

Она написала: «Приходи в одиннадцать. Тетрадь у меня».

Ответ появился так быстро, что Дарья взглянула на время ещё раз.

«Можно сейчас?»

«Сейчас шесть утра».

«Я видел».

Она набрала: «Случилось что-нибудь?» — и не успела отправить.

«Мама в Рощино собирается, мне надо до её отъезда».

Дарья подумала о том, как легко в семнадцать лет любой разговор сделать тревожным, даже ничего для этого не делая.

«В половине восьмого. Позавтракаем».

Жёлтую тетрадь она положила на кухонный стол и наконец раскрыла.

Рассказ оказался про человека, которого наняли изображать слушателя. Он сидел в кафе напротив незнакомых людей, кивал в положенных местах и получал за это деньги. Однажды к нему подсела женщина, которая тоже работала слушателем. Оба ждали, когда другой начнёт говорить, и в конце заказали по второму чаю, потому что увольняться никто не хотел.

После первой страницы Дарья перестала искать, что исправить. Третью страницу она уже читала сидя, положив тетрадь перед собой. В конце рассказа женщина всё-таки произносила одну фразу, но автор зачеркнул её так густо, что разобрать слова не удалось.

Дарья перевернула страницу. Дальше шли аккорды, столбик расходов на какую-то стойку и крупно, во весь лист: «НЕ ЗАБЫТЬ ПЕДАЛЬ».

В половине восьмого Веня явился с кабачком.

— Это мама, — сообщил он с порога.

— Я догадалась, что не ты вырастил.

— Нет, я про идею. Она сказала, к учителю с пустыми руками нельзя. Я говорил, что вы уезжаете. Она сказала, пусть в дорогу.

Кабачок был длинный и тяжёлый, с землёй на одном конце. Дарья приняла его обеими руками.

— Замечательно. В поезде порежу.

Веня посмотрел на неё, прикидывая, надо ли смеяться, потом всё-таки улыбнулся. За лето он вытянулся, а куртка осталась прежняя; из рукавов далеко выступали запястья. На одном был приклеен бумажный браслет с полустёртыми буквами.

— Ты не спал?

— Спал. Вчера днём.

— Веня.

— Мы репетировали. Там помещение ночью дешевле. Сегодня играть будем.

Он прошёл за ней на кухню, увидел тетрадь и тут же перевёл взгляд на пустые полки.

— А куда всё?

— Часть отдала. Часть в коробках.

— Я про книги.

— Тоже.

Он осторожно уселся на край табурета. Дарья поставила перед ним тарелку и подвинула хлеб. Из завтрака нашлись сыр, два яйца и вчерашняя гречка. Она предложила яичницу; Веня попросил гречку, потому что дома ему её не разрешали разогревать в сковороде с сыром. Мама считала, что так сковорода портится.

Пока он ел, Дарья открыла тетрадь на последней странице рассказа.

— Почему ты зачеркнул конец?

— Плохой.

— Что там было?

— Она говорила: «Я могу послушать бесплатно». Ну, такое. Из открытки.

Он взял кусочек сыра прямо из общей тарелки, спохватился и положил себе.

— Я собирался переписать. Просто вы уже забрали.

— А мне кажется, они могут и дальше молчать.

Веня опустил вилку.

— Тогда ничего не произойдёт.

— Второй чай уже заказан. Может, впервые не за чужой счёт.

Он посмотрел на страницу, как будто там находилось что-то, чего он сам не написал. Потом спросил:

— А остальное?

Дарья потянулась за ручкой. Пальцы коснулись колпачка, и она оставила ручку на столе.

— Я прочитала только сегодня утром.

Веня медленно кивнул.

— Ага.

— Надо было раньше. Прости.

— Да я же не… — Он принялся вилкой собирать прилипший к тарелке сыр. — Там и читать-то.

От этого «там и читать-то» ей стало хуже, чем от возможного упрёка. Она могла сообщить ему всё, что узнала за двадцать минут: где рассказ провисает, почему кафе получилось

живее главного героя, как удачно они не могут выговорить первую фразу. Но теперь каждое похвальное слово прозвучало бы торопливой компенсацией.

— Мне понравилось, — всё-таки сказала она. — Особенно женщина, которая отставляет сахарницу подальше от мужчины, чтобы ему пришлось попросить. Ты это придумал?

— В электричке видел. Только там пакет на сиденье был. Девушка хотела, чтоб парень с ней заговорил.

— И заговорил?

— Попросил убрать пакет. Она обиделась.

Дарья рассмеялась, и Веня улыбнулся уже без проверки.

Она показала ему два места, в которых перестала понимать, кто из собеседников говорит. Веня поспорил насчёт первого, согласился насчёт второго и вдруг начал рассказывать про музыку, которую хотел бы написать к такому фильму: люди всё время молчат, а за них пытается заговорить фортепиано. Не грустно, предупредил он. Грустно и без фортепиано умеют.

Телефон завибрировал у него в кармане. Веня прочёл сообщение и сразу поднялся.

— Мама уехала?

— Ещё нет. Просит сумку донести. Она бабушке полмагазина везёт.

— Как бабушка?

— Ходит. На маму ругается, значит, хорошо.

Дарья вернула тетрадь. Веня сунул её под куртку, хотя дождя не было.

У двери он задержался.

— А вы сегодня придёте?

— Куда?

— Я же говорил. Играть будем. Во дворе, где мастерская у Петра. В пять. Там Греков делает вечер, вроде сборный концерт.

Она собиралась после обеда помыть холодильник, отнести ключи соседке, позвонить матери и ещё раз проверить документы. Вечером хотелось остаться одной, чтобы город успел отпустить её до вокзала.

— Постараюсь.

Веня уже взялся за дверную ручку, но после этого слова повернулся.

— Вы лучше скажите, если нет. Я тогда просто не буду смотреть.

Дарья посмотрела на его бумажный браслет.

— Приду в пять.

— Ладно. Мы, правда, можем в шесть. Там у одного басиста ребёнок.

— Тогда дождусь.

Он ушёл. Куда деть такой огромный кабачок перед отъездом, Дарья не знала.

К середине дня в квартире пахло размороженным холодильником. На полу лежали две тряпки, чайник стоял на стуле, и Дарья ела бутерброд над раковиной, чтобы не испачкать последний чистый стол. Чемодан наконец закрылся. Тетрадь она успела вернуть и теперь могла спокойно заняться отъездом.

В дверь позвонили.

На площадке стоял Пётр Стрельцов с узким ящиком инструментов. Дарья знала его несколько лет: он приходил чинить школьный свет, однажды заменил ей выключатель, а прошлой зимой они вместе толкали машину завуча, после чего Пётр неделю здоровался с Дарьей словами «руль держите прямо». С тех пор других общих дел у них не было.

— Юля сказала, у вас чемодан.

— У меня много чего.

— Ручка отходит. Она обещала, что я посмотрю.

— Когда обещала?

— Не знаю. Мне — двадцать минут назад.

Он не входил, держа ящик перед собой. Дарья отступила.

— Вы очень вовремя. Ещё чуть-чуть, и пришлось бы ехать без сюжета.

— Это как?

— Спокойно.

Пётр посмотрел на неё, потом на чемодан у стены и поставил ящик.

— Поднимать пробовали?

— Только морально.

Он присел, потянул телескопическую ручку и сразу отпустил.

— За эту не носите. Катить можно. Поднимать за боковую.

— А починить?

— Можно. Распаковывать придётся.

Дарья молча села на обувную тумбу.

Пётр оглянулся на неё и усмехнулся.

— Не весь. Верх откроем.

Через десять минут свитер и полотенца опять лежали на кровати, ремни свисали через край, а Пётр сидел на полу и придерживал внутри чемодана металлическую пластину. Дарья подавала ему винты, стараясь не смотреть на одежду, которую не рассчитывала сегодня показывать постороннему мужчине.

— Вы можете закрыть дверь, — сказал он.

— Зачем?

— Сквозняк. Её хлопнет, потом опять вставать.

Она почему-то обрадовалась, что он имел в виду именно дверь.

Один из винтов укатился под тумбу. Дарья достала его, зацепившись пальцем за острый край снятой пластины, и тихо выругалась.

Пётр взял у неё винт.

— Где аптечка?

— На своём месте. В коробке «Разное», под коробкой «Не брать».

— Очень понятно.

— Я русский язык преподаю.

Он сходил на кухню, вернулся с бумажным полотенцем и попросил сначала прижать палец. Пластырь Дарья нашла сама — в кармане сумки, рядом с чеком из обувного. Порез был неглубокий, но на ткани чемодана осталась тёмная точка.

— Примета, — сказала она.

— Неудачный винт.

Закончив, Пётр потянул ручку, сложил её и приподнял чемодан за боковую.

— Всё-таки вот за эту. Когда набьёте до конца, та опять начнёт гулять.

— Я не буду набивать.

Он посмотрел на кровать и ничего не ответил.

Дарья предложила кофе. Пётр посмотрел на часы, потом на чайник, стоявший на стуле.

— Если недолго.

Она смыла пыль с двух оставшихся чашек. На одной сине-белый корабль шёл по гладкой воде, на другой крупно значилось «ЛУЧШЕМУ УЧИТЕЛЮ». Вторая была подарена всем педагогам в одной и той же школе. Дарья поставила её перед собой.

— Вы насовсем? — спросил Пётр.

— Надеюсь.

— В смысле — здесь плохо?

Она уже приготовилась объяснять про новые возможности, подходящую нагрузку, право человека иногда менять жизнь. Пётр отпил кофе и добавил:

— Или там хорошо?

— Я ещё не знаю.

— А.

Он принял это так просто, что Дарье захотелось продолжить.

— Я здесь каждый сентябрь знаю заранее. Кто что скажет на педсовете, в каком кабинете опять не будет занавесок. В декабре заболеет Тамара, в марте мы перестанем успевать программу. В мае все станут особенно хорошие, потому что расстаются. А потом я снова приду и поставлю сумку на тот же стул.

— Стул можно переставить.

— Спасибо. Я ждала этого совета много лет.

Он поднял глаза и понял, что она обиделась.

— Я не советую. Я бы переставил. Уехать сложнее.

Дарья провела ногтем по букве «Л» на чашке. Краска давно начинала отслаиваться.

— Вы довольны своей жизнью?

— Сегодня — да. С утра думал, стиральная машина умерла. Оказалось, носок.

Она засмеялась, хотя ответ был почти неприлично уклончивым.

— А если серьёзно?

Пётр повернул свою чашку кораблём к ней.

— Если серьёзно, я бы хотел иногда успевать делать то, что не сломалось.

Дарья вспомнила про вечер.

— Вы тоже играете?

— Иногда. Сегодня Веня попросил.

— Мне он сказал, это концерт.

— Греков так сказал. У нас два удлинителя и певица без микрофона. После пятого номера будет концерт, если никто не уйдёт.

Он допил кофе и поднялся. Дарья спросила, сколько должна за ремонт. Пётр начал закрывать ящик.

— Ничего. Два винта.

— Вы потратили время.

— Четыре винта, если ваши тоже считать.

Она не знала, как настаивать, не превращая благодарность в мелкий торг. Тогда взяла со стола кабачок.

— Заберите.

Пётр уставился на него.

— Это вместо денег?

— Это независимо от денег. Очень прошу.

Он помолчал, потом забрал кабачок и прижал к ящику.

— Юлин?

— Да.

— У неё ещё три. Если кому понесёте, адрес не давайте.

К пяти Дарья пришла во двор небольшой частной мастерской за Прогонной. До этого она вымыла холодильник, проверила документы и написала хозяйке комнаты, что приедет в понедельник утром. Та согласилась встретить до двенадцати. Ключи для соседки остались дома, матери Дарья тоже не позвонила. С матерью можно было поговорить по дороге в Петербург: та неизбежно спросила бы, не одиноко ли будет в съёмной комнате, и Дарья предпочла иметь под рукой стук колёс как достаточное объяснение кратких ответов.

Во дворе расставляли разномастные стулья. Под навесом стояли клавиши, две колонки и стойка, обмотанная у основания серебристой лентой. Певица без микрофона оказалась жен-

щиной примерно Дарьиного возраста в ярко-синем платье; она держала микрофон, но от него никуда не шёл провод. Возле удлинителя двое мужчин спорили, можно ли включить в него ещё чайник.

— Нельзя, — сказал Пётр, не поднимая головы.

— Мы же спросили только.

— Я только ответил.

Человек в льняной рубашке с закатанными рукавами увидел Дарью и пошёл ей навстречу с двумя стульями.

— Вы к Вене? Тогда вот сюда. Передний ряд ещё существует.

— Я могу сама.

— Отлично, держите второй. Дмитрий Греков. Организатор всего, что здесь пока не организовано.

Он вручил ей стул, а свой поставил рядом с пожилой женщиной, которая принесла складное сиденье и, по-видимому, не доверяла ему собственного веса.

— Дарья Рогова.

— Знаю. Веня велел оставить место и ни в коем случае не объявлять.

Он оглянулся на навес.

— Я ведь сейчас не объявил? Это мы лично.

Греков улыбнулся, и Дарья поняла, почему ему удаётся созывать людей во двор, обещая концерт, которого пока нет. Он говорил уверенно и весело, словно концерт уже шёл по задуманному плану.

Веня стоял у клавиш и делал вид, что не смотрит в её сторону. Дарья подняла руку. Он ответил быстрым движением головы и сразу отвернулся к Петру.

Певица попробовала голос. Колонка взвизгнула; пожилая женщина вздрогнула и прижала сумку к груди.

— Это увертюра, — объявил Греков. — Она короткая.

Дарья села. Соседний стул занял мужчина в выцветшей куртке. В руках он держал бумажный пакет, из которого выступала прямоугольная коробка. Увидев на Дарьином пальце пластырь, он нахмурился.

— Всё-таки порезались.

Она посмотрела на него.

— Простите?

— О ручку.

Дарья подняла ладонь.

— О пластину. Пётр вам сказал?

Мужчина перевёл взгляд на Петра, который стоял под навесом с гитарой.

— Да. Наверное.

Он показался ей растерянным, хотя до этого заговорил совершенно уверенно.

— Мы знакомы?

— Филипп Яровой. Я здесь работаю, по соседству.

— Дарья.

— Рогова, да.

Греков громко попросил тех, кто пришёл просто посмотреть, посмотреть со стульев, потому что за ними тоже люди. Филипп поставил пакет себе под ноги и спросил Дарью:

— На Васильевском-то удобно будет ездить?

Она медленно повернулась к нему.

Комнату на Васильевском острове ей предложили только в пятницу. Пётр об этом не спрашивал; Вене она не говорила. Грекова увидела впервые в жизни.

— Откуда вы знаете?

На этот раз Филипп не стал ссылаться на Петра. Он сцепил руки между коленями.

— Значит, я перепутал.

— Что именно?

— Разговор. Извините.

Дарья ждала объяснения. Под навесом Веня сыграл несколько нот, певица повернулась к нему, и музыка наконец собралась из отдельных чужих звуков в одно неуверенное целое. Женщина запела вполголоса, словно начинала при гостях работу, которую обычно делает без свидетелей. Пётр подхватил мелодию на гитаре.

Дарья пропустила первые слова. Она всё ещё смотрела на соседа, но тот слушал, наклонив голову и прижимая ладонь к бумажному пакету. Спрашивать дальше посреди песни казалось нелепым.

Веня ошибся на переходе. Пётр повторил предыдущий такт, давая ему вернуться, и мальчик справился. На следующем припеве он уже не смотрел на клавиши. Дарья видела, как переменилась его посадка: плечи опустились, локти перестали прижиматься к бокам. Он ненадолго оказался человеком, которому не надо ни объяснять, зачем он здесь, ни просить оставить место.

После третьей песни Филипп поднялся. Дарья хотела окликнуть его, но Греков попросил зрителей помочь переставить стулья подальше от двери мастерской. Из неё выносили стол с чайником, всё-таки подключённым где-то в другом месте. Когда Дарья снова посмотрела на соседний стул, пакет и его хозяин исчезли.

Концерт длился дольше, чем обещали, и закончился не песней: женщина из первого ряда попросила дать ей микрофон, чтобы найти владельца машины, мешавшей выехать её сыну. Греков с готовностью уступил ей сцену. Веня смеялся, облокотившись на клавиши, а Пётр начал сматывать провода.

Дарья подошла к ним.

— Хорошо было, — сказала она.

Веня посмотрел на Петра.

— У нас третья развалилась.

— Только сначала, — ответила Дарья. — Потом вы её собрали.

— Да ладно, вы слышали?

— Я была здесь.

Он принялся объяснять, какой именно переход не получился; Пётр остановил его, сунув в руки свободный конец кабеля.

— Дома разберём. Держи, пожалуйста.

— Вы знаете Филиппа Ярового? — спросила Дарья.

— Знаю. Механизмы реставрирует. Что?

— Он мне странную вещь сказал. Будто мы знакомы.

— Может, виделись.

— Вы не говорили ему, где я буду жить?

Пётр перестал сматывать провод.

— Я и сам не знаю.

Веня приподнял голову.

— Вы в Петербурге, да?

— Да.

— А мы можем приехать?

Она почти сказала «конечно», но вспомнила его утреннее лицо возле двери.

— Давай я сначала устроюсь. Потом договоримся на определённый день.

— На воскресенье, — предложил он. — У Петра тогда выходной.

Пётр посмотрел на неё поверх свёрнутого кабеля.

— Меня уже тоже позвали?

Дарья почувствовала, что улыбается чуть больше, чем полагается для простого приглашения.

— Если захотите.

К ночи квартира стала чужой настолько, что Дарья боялась оставить в ней что-нибудь нужное. Она обошла комнаты, заглянула под ванну, на верх шкафа и даже в морозилку, хотя сама вымыла её несколько часов назад. Телефон за день почти разрядился; пришлось вытащить из чемодана зарядку.

Мать позвонила сама.

— Ты уже на новом месте?

— Завтра, мам.

— У меня почему-то понедельник.

— Завтра будет.

Они поговорили о комнате, об одеяле, которое следовало взять с собой, и о том, что в новом коллективе не нужно сразу соглашаться на всё. Мать давала последний совет каждый август, включая те годы, когда коллектив оставался старым.

Дарья не стала поправлять её и рассказала про концерт.

— Ты там пела?

— Слушала.

— Ну и хорошо. А то всё работа.

После разговора Дарья ещё раз заглянула в переписку с будущей завучем. Приглашение было на месте. Она посмотрела маршрут от Финляндского вокзала до школы, записала номер автобуса и убрала телефон.

Филипп Яровой мог знать про комнату от кого угодно. Коллеги разговаривали между собой, кто-то знал хозяйку, город был мал. Но он сказал «значит, я перепутал» таким тоном, словно неправильным оказался не адрес, а сам сегодняшний вечер.

Дарья полежала с закрытыми глазами, потом встала и сняла пластырь. Под ним кожа по краям пореза побелела. Она промыла палец, наклеила новый пластырь и вернулась в комнату.

Уснуть удалось ненадолго. В начале шестого она окончательно поднялась, собрала постель и оделась. Чемодан стоял у двери; ключи для соседки были вложены в подписанный конверт. До выхода оставалось время выпить чай.

Телефон показывал понедельник, двадцать четвёртое августа. Дарья отправила матери короткое «Проснулась, всё хорошо» и поставила чайник на освобождённый стол. С улицы донёсся звук проехавшей машины. Она думала о том, как будет рассказывать в новой школе о прежней: достаточно тепло, без жалоб и без той подробности, от которой чужому человеку сразу становится скучно.

Чай получился слишком крепким. Дарья разбавила его водой, взяла чашку за ручку и поднесла к губам.

В шесть зазвонил будильник.

Чашки в руке не было.

Она лежала поверх покрывала, левую ладонь щекотал зажатый под ней телефон, а правая ступня свешивалась с кровати. Во рту ещё держался запах заварки, но на ней снова была старая футболка, которую она вечером убрала в пакет для стирки.

Дарья села так резко, что закружилась голова.

Открытый чемодан стоял возле кровати. Полотенца лежали под ремнями, из кармана торчала папка. На подоконнике желтела Венина тетрадь.

Она посмотрела на свою руку. Ни пластыря, ни пореза: кожа на указательном пальце оставалась целой.

Телефон продолжал звонить. Дарья выключила звук и увидела дату. Воскресенье, 23 августа.

Глава 2. Та же сдача

Первым делом Дарья заглянула на кухню.

Чайник стоял на своём обычном месте, рядом с плитой. В раковине лежала ложка, которую она вчера уже вымыла и убрала. На дверце холодильника снова висел маленький календарь с телефоном доставки воды. Его Дарья совершенно определённо выбросила: оторвала от магнита и сунула в мусорный пакет вместе с засохшим лавровым листом.

Она открыла холодильник. На верхней полке стояла гречка.

Дарья закрыла дверцу, потом открыла снова. Кастрюля была та же, с оббитым эмалевым краем. Внутри торчала ложка. Она тронула холодную ручку, убедилась, что не нарисовано, и пошла за телефоном.

Переписка с матерью обрывалась субботой. В переписке с Веней последним стоял вопрос, заданный во вторник.

Дарья набрала его номер.

В трубке долго шли гудки. Она уже приготовилась звонить Юлии, когда Веня ответил:

— Вы тоже?

Дарья села на край кровати.

— Что — тоже?

— Не уехали.

— Веня, ты где?

— Дома. Я проснулся дома. Только я не дома спал, я у Славы был. Мы после вас ещё играли.

— Подожди. Вчера ты у меня завтракал?

— Ну да.

— Что ты ел?

— Гречку. А что?

Она посмотрела на жёлтую тетрадь.

— Где твой рассказ?

Веня перестал дышать в трубку. Несколько секунд было слышно, как он двигает что-то по столу.

— Я же унёс. Он в куртке был.

— Сейчас у меня.

— В смысле?

— На подоконнике.

Веня сказал слово, за которое в школе Дарья сделала бы замечание. Сейчас оно прозвучало гораздо уместнее всего, что могла придумать она сама.

— Как заканчивался твой рассказ? — спросила она.

— Вы же читали.

— То, что ты зачеркнул.

— «Я могу послушать бесплатно».

Дарья провела ладонью по лицу.

— А я что сказала?

— Что пусть молчат дальше. Вы что, думаете, мы оба…

— Я пока ничего не думаю. Мама дома?

— Вот. В этом и дело. Она у бабушки ночевала. Сейчас на кухне. Плачет.

— Дай ей телефон.

Она услышала шаги, Венино «это Дарья Сергеевна», потом Юлия взяла трубку.

— Даша, я не понимаю. Я же там была. Я ей воду на тумбочку поставила. Постель поправила. Она на меня сердилась, что я окно закрываю. Я помню, как она сердилась.

— Позвони ей.

— Я звоню. Она не берёт. Рано ещё, спит, наверное. Только я здесь, а должна быть там.

Юлия вдохнула так резко, что Дарья прижала телефон плотнее.

— Дома сядь пока. С Веней. Я приду.

— Зачем? У тебя поезд.

— У меня в телефоне воскресенье.

— У меня тоже.

Они немного помолчали. Дарья смотрела на тетрадь, пытаясь удержать в голове сразу два её местоположения: подоконник и Венина куртка, которую он застегнул после завтрака.

— Я сейчас оденусь, — сказала она. — И перезвоню.

За стеной загрохотало. Дарья вздрогнула и только потом узнала соседскую швабру: Зоя Тимофеевна, когда та падала у неё в ванной, всегда начинала ругаться на производителя, словно могла быть уверена, кто именно положил её неустойчиво.

Дарья услышала голос за стеной. На этот раз соседка ругалась по другой причине.

Она вышла на площадку в футболке и носках. Дверь Зои Тимофеевны была открыта; соседка стояла перед электрическим щитком и тыкала в экран телефона.

— У вас тоже? — спросила она.

— Что?

— Показания. Я вчера передала, а они не переданы. И вот это посмотрите.

Она протянула Дарье ладонь. На пальце сидело обручальное кольцо.

— Я его отнесла. Расширить. Не снималось уже, мылом снимала. А сейчас опять на руке.

Дарья посмотрела на кольцо. Внешне оно ничем не отличалось от любого кольца, которое могло никогда никуда не исчезать.

— Может, вы хотели отнести?

Зоя Тимофеевна убрала руку.

— В моём возрасте это удобное объяснение. А что вы вчера делали?

Дарья хотела ответить и вместо этого начала плакать.

Это вышло неожиданно, без подходящего чувства. Она ещё секунду назад вполне разумно сравнивала события, а теперь слёзы потекли сами, как вода из крана с испорченной прокладкой. Зоя Тимофеевна взяла её за локоть, завела к себе и усадила на стул в прихожей.

— Так. Здесь сиди. Ноги мокрые?

Дарья посмотрела вниз. Носки действительно потемнели: она наступила на соседкин половик.

— Я никуда не поехала.

— Ты и собиралась завтра.

— Сегодня было завтра.

Соседка ничего не возразила. Ушла на кухню, принесла стакан воды и поставила на обувную тумбу.

— Я вчера краску купила, — сказала она. — На балкон. Хотела Серёжу попросить, всё некогда было. А вчера подумала, сама покрашу. Так у меня сейчас и банка пропала, и деньги вернулись. До копейки.

Дарья вытерла лицо ладонями.

— Вы знаете, что это?

— Если бы знала, я бы сейчас не показания проверяла.

Откуда-то снизу донёсся спор. Два голоса повторяли «вчера» и «сегодня» с такой настойчивостью, словно договаривались о разделе имущества. Зоя Тимофеевна прикрыла дверь.

— Пить будешь?

Дарья взяла стакан. Вода пахла домашним фильтром, давно требовавшим замены. Она пила медленно, чувствуя холод сквозь тонкое стекло, и слёзы закончились.

— Спасибо. Мне надо позвонить.

— Звони.

Матери она набрала прямо от соседки. Та ответила сонным голосом:

— Даша? Ты уже едешь?

— Мам, какой сегодня день?

— Воскресенье. Что случилось?

— Мы вчера разговаривали?

— Ты обещала вечером позвонить. Я не стала сама, думала, собираешься.

Дарья стиснула стакан.

— Я была на концерте. Рассказывала тебе.

— Когда?

— Вчера вечером. Ты спросила, пела ли я.

Мать помолчала.

— Даша, ты выспалась?

— Мам, пожалуйста. Попробуй вспомнить. Ещё про одеяло говорили. И чтобы я не соглашалась сразу на всю работу.

— Так это я тебе всегда говорю.

Зоя Тимофеевна стояла у двери и делала вид, что проверяет замок. Дарья вдруг устыдилась того, как отчаянно требует от матери признать происходящее. У той был собственный спокойный день, и дочь с самого утра превращала его в повод для тревоги.

— Ладно. Я ещё перезвоню.

— Подожди, не клади. Ты одна?

— У соседки.

— Дай ей трубку.

Дарья посмотрела на Зою Тимофеевну и протянула телефон. Та взяла его без удивления.

— Здравствуйте. Да, я с ней. Нет, никуда сейчас не идёт. Попила воды. Нет, я тоже не понимаю, что у нас… Да. Позвонит обязательно.

Она выслушала ещё несколько фраз, пообещала не отпускать Дарью на вокзал в таком состоянии и вернула телефон.

— А вы согласились, что я не выспалась?

— Я согласилась, что тебе надо поесть.

Дарья посмотрела на неё и засмеялась сквозь остаток слёз.

Через час она вышла из дома. Юлия дозвонилась до матери, та чувствовала себя обычно и очень удивилась вопросу о стакане воды. Дарья договорилась встретиться с Бажиными позже: Юлия собиралась ещё раз ехать в Рощино, а до этого хотела разобраться с билетами. Она почему-то ждала, что билет, по которому она вчера проехала, поможет доказать вчерашний день.

На улице никто не бежал, не кричал о конце света и не разбивал витрины. Люди стояли небольшими группами, прижимали телефоны к уху и говорили чуть громче обычного. Возле подъезда мужчина показывал другому фотографию машины и повторял: «Вот, была вмятина. Вот здесь». Второй просил показать саму фотографию вмятины, но именно её у первого и не было.

Дарья шла к маленькому продуктовому магазину, где обычно покупала хлеб. В кошельке лежали две тысячи рублей: на случай, если по дороге не сработает карта. Она вынула одну купюру, сложила угол и сунула отдельно. Потом поняла, что делает непонятно что, и развернула угол обратно.

Возле магазина скопилась очередь, хотя внутри свет горел и дверь была открыта. Покупатели спорили с кассиром.

— Я вам говорю, вы мне вчера этой самой бумажкой дали!

Женщина в жёлтом плаще держала пятисотрублёвую купюру. На самом краю чернела цифра восемь, написанная ручкой.

— И что? — спросила кассир. — Мне её теперь не брать?

— Я её дома в шкатулку положила. А сейчас нет. Вы опять мне её дали.

— Потому что вы опять тысячу дали.

— Но сдача та же!

Кассир сняла очки и протёрла переносицу.

— У меня дочь во вторник приезжает. Я с утра ей звоню, она говорит, мам, ещё два дня. А я вчера ждала, что один. Давайте вы возьмёте свою сдачу и я пойду ей ещё раз позвоню.

Женщина опустила купюру. Очередь затихла, пропуская её к выходу. Дарья вдруг увидела, как много людей держат в руках самые обыкновенные предметы с видом свидетелей, которым никто не верит: чек, ключ, наполовину выпитую бутылку воды.

Она купила хлеб, молоко и пачку печенья. Карта сработала. На кассе вышел чек с датой двадцать третье августа.

— Можно ручку? — попросила Дарья.

Кассир подвинула ей шариковую ручку на пластиковой подставке.

На обратной стороне чека Дарья написала: «Я купила это второй раз проживая воскресенье». Подумала и поставила запятую. Потом сфотографировала обе стороны.

— Куда собираетесь? — спросила кассир.

— В смысле?

— Передавать. Я тоже могу подписать.

Дарья не нашлась с ответом. Чек она собиралась передать самой себе, только ещё не понимала куда.

У выхода ей придержал дверь Греков. В одной руке он нёс пакет с хлебом, в другой — кофейный стаканчик.

— Дарья. Вы тоже пока с нами?

Она посмотрела на его рубашку. Вчерашняя, с теми же закатанными рукавами. Теперь даже одежда казалась подозрительной.

— Вы что-нибудь понимаете?

— Нет. Но кофе они варят. Уже полезное известие.

— Вам смешно?

— Мне хочется, чтобы было смешно. Пока не получается.

Он отступил, пропуская мужчину с двумя бутылками кефира, и поставил стаканчик на край подоконника.

— Вчера вечером я просил людей убрать за собой стулья. Часть осталась, часть ушла. Сегодня пришёл — всё опять в сарае. Даже стул, который сломали, целый. Я сначала обрадовался. Думал, кто-то сделал приятное.

Он потёр ладонью шею.

— Сейчас собираем народ во дворе. Кому надо поговорить, узнать что-то. Приходите. Пётр там.

— А Яровой?

— Филипп? Не видел. Его мастерская закрыта.

— Мне бы с ним поговорить.

— Приходите. Найдём.

Греков взял кофе и пошёл обратно в магазин. Дарья услышала, как он обращается к кассиру:

— Дайте мне пять минут постоять здесь. Пока вы дочери звоните. Кассу трогать не буду, просто людям скажу, что вы вернётесь.

Во дворе мастерских несколько стульев уже стояли под навесом, остальные были сложены у раскрытой двери сарая. Музыкальных инструментов не было. Пётр сидел на корточках возле удлинителя и распутывал провод; увидев Дарью, поднялся.

— Опять выносим, — сказал он. — С утра всё было убрано.

— Ручка? — спросил он.

Дарья протянула ему ладонь.

— Пальца не хватает.

Пётр побледнел прежде, чем понял, что она показывает целую руку.

— Пореза, — быстро исправилась она. — Простите. Пореза не хватает.

Он взял её за запястье и посмотрел на палец. Прикосновение было сухим, осторожным. Потом он отпустил её и сел на ближайший стул.

— У меня кабачка нет. Я половину пожарил. На ужин.

— У Юлии спросите.

— Уже. Он у неё целый. Веня собирался вам нести. Сказал, теперь пусть кто-нибудь другой.

Дарья поставила пакет с продуктами на землю. Солнце подбиралось к краю навеса, на стульях лежали ещё холодные полосы тени. В этом дворе ей должно было стать легче, потому что Пётр помнил то же самое. Вместо этого ей стало ещё страшнее: она могла уехать из города и снова проснуться в своей квартире.

— Я хочу уехать сегодня, — сказала она.

— Поезда идут.

— Юлия тоже ехала. Говорит, ночевала у матери. А проснулась дома.

Пётр наклонился к проводу, потом оставил его на месте.

— Да. Говорила.

— Вы ей верите?

— Она бы не выдумала.

— А что тогда делать?

Он посмотрел на раскрытый пакет. Из него торчал батон.

— Поесть. Потом решать.

Дарья начинала сердиться на еду. Все вокруг предлагали ей завтрак, воду, кофе, словно случившееся было длинной поездкой, после которой надо прийти в себя. Она уже открыла рот, чтобы ответить резко, когда Пётр добавил:

— Я с ночи ничего не ел. В холодильнике носок лежит.

— Что?

— Сегодня положил. Если опять всё вернётся, посмотрю, куда денется. Он с утра снова был в машине, хотя я его вчера вытащил. Я достал и сунул в холодильник. Зачем именно туда — уже не знаю.

Дарья посмотрела на него, и они оба засмеялись. Смех оказался слишком громким для почти пустого двора, но остановиться сразу она не смогла. Пётр потянулся за её пакетом и вынул хлеб.

— Можно?

Она кивнула. Он отломил кусок, протянул ей. Дарья взяла и впервые за утро почувствовала голод.

Они ели, сидя под навесом. Из соседней двери вышла женщина с ведром; остановилась, посмотрела на них и спросила, не знают ли они, что случилось с телефоном. Дарья ответила,

что пока никто не знает. Женщина постояла ещё немного и вернулась в помещение, забыв ведро у порога.

— Яровой вчера сказал, где я буду жить, — начала Дарья. — На Васильевском. Я ему не говорила.

Пётр вытер хлебные крошки с колен.

— Вы вчера об этом спрашивали.

— Да. Он ещё знал, что я порежусь. Сказал: «Всё-таки порезались». Пластырь видел, конечно. Но «всё-таки»…

— Может, слышал от Юли про чемодан.

— А про квартиру?

— Не знаю.

— Позвоните ему, пожалуйста.

Пётр достал телефон. Дарья сидела рядом и слышала длинные гудки. Филипп ответил не сразу; Пётр поздоровался, спросил, может ли он прийти во двор, потом протянул трубку ей.

— Хочет с вами.

Дарья встала и отошла к стене.

— Филипп? Это Дарья Рогова.

— Да. Я понял.

На заднем плане звякнула посуда. Кто-то мужским голосом произнёс: «Я сейчас вернусь». Дарья невольно прислушалась, как будто из этих звуков могла получиться разгадка.

— Вы помните вчерашний концерт?

— Помню.

— Почему вы спросили про Васильевский?

В трубке стало тихо.

— Мне казалось, мы говорили об этом.

— Не говорили. Я вас раньше не встречала.

— Значит, ошибся.

— В чём? Адрес правильный.

Он помолчал ещё немного.

— Сейчас у всех какие-то ошибки с памятью, Дарья. Вы ведь поэтому звоните?

Она прижала телефон к уху обеими руками.

— Я хочу с вами встретиться.

— Я сейчас с сыном. Мы давно не виделись.

— Вечером?

— Можно. Во двор приду.

Дарья посмотрела на Петра. Он поднял голову, ожидая, нужна ли помощь.

— Я собираюсь уехать. С Юлией Бажиной, в Рощино.

— Сегодня?

— Да.

— Тогда… — Филипп замолчал. — Тогда оставьте Петру номер. Я вам позвоню позже.

Дарья хотела спросить, почему он так удивился слову «сегодня», но в трубке снова раздался другой голос, ближе и нетерпеливее. Филипп попрощался и закончил разговор.

Пётр взял у неё телефон.

— Что сказал?

— Что мог ошибиться.

— Мог.

Она хотела возразить. Но пока это было правдой: мог, услышал от кого-то, неправильно вспомнил, они действительно где-то встретились и не узнали друг друга. В целой коже на пальце было больше невозможного, чем в случайно угаданном районе Петербурга.

Во двор вошёл Веня. Он принёс тетрадь — ту самую, которую Дарья, уходя из дома, оставила на кухонном столе. Следом появилась Юлия с дорожной сумкой.

— Я у вас зашёл, — объяснил он. — Соседка сказала, можно забрать. Вы дверь не заперли.

Дарья схватилась за ключи в кармане.

— Совсем?

— Ну да. Она за вами закрыла потом. Сказала, ещё бы чемодан посреди улицы оставили.

Веня раскрыл тетрадь на последней странице рассказа.

— Вот смотрите. Я вчера дома переписал конец. А здесь опять зачёркнуто.

Дарья наклонилась к странице. Чёрные штрихи закрывали ровно то место, которое она пыталась разобрать утром.

— Помнишь, что написал?

— Помню.

— Тогда напишешь ещё раз.

— А смысл?

Она не ответила. Веня постоял, ожидая знакомого учительского объяснения, но Дарья смотрела на страницу и не могла обещать ему, что у написанного найдётся утро, в котором оно останется.

Юлия поставила сумку на землю.

— Билет купила. Новенький. На сегодня. С той же датой.

— Я с тобой, — сказала Дарья.

— До Петербурга?

— До твоей мамы. Если можно. Хочу сама посмотреть.

— Можно. Только она ничего не понимает. Я ей сказала, у меня странное утро, а она — ну, у всех иногда бывает. Я не стала объяснять.

Дарья проверила заряд телефона. Полный. Она вчера вечером поставила его заряжаться, но сейчас не знала, имело ли это хоть какое-нибудь отношение к сегодняшнему полному аккумулятору.

— Мне надо домой за чемоданом.

Пётр поднялся.

— Ручку опять сделаю. Быстрее будет, я уже знаю где.

Он пошёл за ящиком, а Дарья осталась стоять рядом с Юлией. Во двор начали приходить люди. Кто-то принёс термос, двое тащили складной стол. Греков у ворот объяснял пожилому мужчине, что сюда можно просто зайти, ничего покупать не нужно.

Веня сел за оставленный под навесом стол, достал ручку и открыл тетрадь на последней странице рассказа.

— Только быстро, — предупредила его Юлия.

— Мам, я здесь останусь.

Она посмотрела на него, собираясь возразить, потом на Дарью, которая всё ещё сжимала ключи от квартиры.

— Пообещай, что не будете делать глупостей.

Веня улыбнулся.

— Таких, как обычно?

— Больше, чем обычно, — сказала Юлия и взяла сумку.

Глава 3. До Рощина и обратно

Во второй раз Пётр починил ручку за восемь минут. Дарья держала чемодан раскрытым и подавала винты на блюдце, чтобы они не укатывались. Свитер снова лежал на кровати. Тёмной точки на подкладке не было.

Когда Пётр вынул пластину, она отдёрнула руку раньше, чем успела об этом подумать.

— Я придержу, — сказал он.

Он завернул последний винт, сложил инструмент и поднялся с пола. Дарья проверила палец. Целый.

— Хоть это можно изменить.

— Поднимать всё равно за боковую, — напомнил Пётр.

Она продиктовала ему номер, хотя могла бы просто позвонить на его телефон. Произносить цифры вслух было легче, чем объяснить, зачем ей вдруг понадобилось, чтобы кто-то их запомнил. Пётр записал номер под её именем.

— Я Филиппу передам.

— И сами звоните. Если что-нибудь узнаете.

— Вы тоже.

В прихожей Дарья проверила, всё ли взяла, и отдала Зое Тимофеевне запасные ключи. Соседка покрутила их на пальце.

— Если это снова, они ведь опять у тебя окажутся?

— Не знаю.

— Ну, я попробую в другой карман положить.

Она убрала ключи и поправила коврик, за который зацепился чемодан. Дарья заперла дверь, дёрнула ручку и только после этого понесла чемодан вниз.

Юлия ждала у подъезда. Из сумки у неё торчал тот самый кабачок. Она увидела взгляд Дарьи и сказала:

— Не оставлять же.

Пётр взял у них обе тяжёлые вещи до машины. Во дворе мастерских остались купленные Дарьей молоко, печенье и недоеденный хлеб: Греков обещал поставить всё на общий стол. Дарья поймала себя на том, что собирается предупредить его насчёт срока годности молока, и не стала.

На вокзале людской испуг был устроен упорядоченнее, чем на улице. Одни стояли у касс, другие у табло, третьи объясняли сотрудникам, почему у них должен быть билет, которого нет в телефоне. Время до отправления продолжало убывать, объявления звучали привычными голосами. От этого Дарье на минуту показалось, что здесь можно предъявить случившееся и получить правильную справку.

У входа пришлось снять сумку с плеча и поставить рядом с чемоданом для досмотра. Юлия всё время оглядывалась на табло. Дарья сказала, что успеют: они приехали с запасом. Потом сама проверила время.

В приложении она выбрала поезд с остановкой в Рощино, купила билет и несколько раз сохранила его на экране. Оплата прошла. Деньги уменьшились на совершенно обыкновенную сумму, и это почему-то успокоило больше, чем отсутствие тревожных объявлений.

— Ты прямо с чемоданом к маме? — спросила Юлия.

— Если утром всё будет нормально, поеду дальше.

— А если нет?

Дарья потянула телескопическую ручку. Та вышла легко, без вчерашнего заедания.

— Тогда я хотя бы буду знать сама.

В вагоне женщины заняли места друг напротив друга. Юлия поставила сумку между ног и сразу достала телефон. Дарья убрала чемодан так, чтобы он не мешал проходу, и посмотрела в окно. Пока состав стоял, ей хотелось выйти; когда тронулся, она испугалась, что он остановится.

Город начал отступать. Здания сменились полосами зелени, случайными заборами, путями, которые расходились и снова исчезали за окном. Ничего не вспыхнуло. Поезд не ударился в невидимую стену. Телефон показывал всё ту же дату; отметка на карте постепенно удалялась от Выборга.

Юлия разговаривала с матерью.

— Да, уже еду. Нет, не забуду. Я же вчера привезла… Мам, слушай. Я с Дарьей Сергеевной. Ну, Вениной. Да, с ней. Можно она переночует? Почему опять «что случилось»? Просто едет в Петербург.

Она убрала телефон.

— Не верит.

— Чему?

— Что просто едет. Думает, мы скрываем.

Дарья посмотрела на дорожную сумку.

— Мы и скрываем.

— Я ей уже объясняла утром. Она сказала, у меня давление. Потом я решила, что пусть будет переезд.

Напротив, через проход, сидел мужчина с девочкой лет восьми. Девочка спрашивала, почему они снова едут к тёте, если вчера уже были. Мужчина отвечал, что вчера была суббота. Она доказывала, что вчера тётя испекла пирог и в пироге попалась косточка.

Дарья обернулась, но Юлия тронула её колено.

— Не надо пока. Мы же сами не знаем.

Девочка сердито отвернулась к окну. Отец — или другой сопровождавший её взрослый, Дарья не знала — наклонился и поправил ей ремешок сандалии. Дальше они ехали молча.

Когда сотрудница проверяла билеты, Юлия спросила, какая у неё дата. Та показала на экран устройства.

— У вас в билете такая же.

— А вчера у вас что было?

— Вы про смену?

— Про день.

Сотрудница перевела взгляд на Дарью.

— У вас с билетами всё в порядке. Только проход не загромождайте, пожалуйста.

Чемодан выступал углом, и Дарья подтянула его к себе. Женщина пошла дальше. Юлия смотрела ей вслед с раздражением.

— У них всё в порядке.

— Она отвечает за билеты.

— А за нас кто?

Дарья не знала. Она открыла новости, потом местные сообщения. Про Выборг писали быстро и разноголосо: кто-то пересказывал рассказ знакомого, кто-то выкладывал видео людей возле магазинов. Одни уверяли, что сбились часы; другие объясняли чужие жалобы праздником, о котором Дарья впервые слышала. В одном ролике мужчина доказывал, что это рекламная акция, и очень сердился на того, кто спросил, что именно рекламируют.

Она отправила матери ссылку на видео с узнаваемой улицей. Та ответила почти сразу: «Теперь вижу, что ты не одна. Всё равно береги себя».

Дарье стало чуть легче. Она убрала телефон и позволила себе смотреть, как в стекле движется отражение Юлии на фоне леса.

Антонина встретила их у двери с палкой в руке.

— Что так долго?

— Мы не долго, мам. Мы только приехали.

— Я не про сегодня.

Юлия нагнулась обнять её и едва не уронила сумку. Дарья подхватила ручку. Кабачок высунулся из пакета ещё дальше, и Антонина посмотрела на него с обидой.

— Я тебе говорила, мне не надо.

— А кому надо? Ему уже нигде не рады.

Антонина засмеялась и отступила, пропуская их внутрь. Дарья представилась. Пожилая женщина посмотрела на неё внимательно, потом сказала:

— А, учительница. Я вас по голосу иначе представляла.

— По какому голосу? — быстро спросила Юлия.

— Ты же давала мне послушать, как они в школе стихи читали. Она объявляла. Там Веня всё крутился.

Дарья вспомнила тот вечер. Девятый класс, сломанный микрофон, Веня, которому пришлось поднимать стойку перед каждым новым участником. Это было больше года назад.

— Я тогда слишком громко говорила.

— Правильно. Иначе они вас не услышат.

Мать и дочь прошли на кухню, Дарья оставила чемодан у стены. В квартире пахло свежим хлебом, лекарственной мазью и нагретой пылью. На столе стояла миска с яблоками, рядом лежала газета, раскрытая на странице с объявлениями. Она осторожно посмотрела на дату. Субботняя.

— Сегодня не приносили, — сказала Антонина. — Вы время проверяете?

Дарья выпрямилась.

— Да.

— Юля с утра тоже проверяла. Всё со мной как с маленькой.

— Мам, не с тобой.

— А с кем? Я трубку беру, мне говорят: назови день недели. Я ещё не проснулась, а уже должна экзамен сдавать.

Юлия начала доставать продукты. Каждую упаковку она на секунду задерживала в руках, будто узнавала вещь, уже однажды поставленную на эту полку. Антонина смотрела на неё с нарастающим беспокойством.

— Юль.

— Что?

— Ты мне объясни нормально.

Юлия положила на стол пакет молока.

— Вчера я была здесь. Для меня вчера. Привезла всё вот это. Приготовила тебе ужин, мы телевизор смотрели. Ты уснула, а я окно закрыла. Ты проснулась и ругалась.

— Я могла.

— Да. Потом я сама легла. На диване. А утром оказалась дома. В Выборге.

Антонина посмотрела на Дарью.

— А вы где были?

— У себя. Собиралась уезжать. Утром опять увидела вещи, которые уже отдала.

Хозяйка молчала. Юлия вынула из сумки кабачок и поставила стоймя у холодильника, где тот держался плохо.

— Не ставь так, — сказала Антонина. — Упадёт.

Юлия переложила его на стол. Лицо у неё вдруг стало таким беспомощным, что Дарья отвела глаза.

— Я не знаю, как объяснить, — сказала Юлия. — Но я вчера к тебе приехала. Правда.

Антонина положила палку на край стола и взялась за спинку стула.

— Дай сесть.

Дочь пододвинула стул. Пожилая женщина устроилась, разгладила подол домашнего платья и посмотрела на привезённые продукты.

— Я понимаю, что ты не могла раньше. У тебя работа.

— Мам, я не оправдываюсь.

— Я и не говорю.

Юлия отвернулась к раковине. Дарья взяла яблоко из миски и предложила сделать пирог. Это было единственное, что она могла придумать, не вмешиваясь в разговор, в котором настоящее воскресенье уже перепуталось со многими прежними.

Антонина спросила, умеет ли она.

— Простой умею.

— Простые все умеют. Юля, мука наверху, подай.

Пирог вышел кривой: форма оказалась глубже, чем ожидала Дарья, а яблоки Антонина велела резать крупно, потому что иначе их не слышно. Они ели его ещё тёплым. Юлия сначала отказывалась, потом взяла второй кусок. Мать заметила это и пододвинула тарелку ближе.

После обеда Антонина пошла отдыхать. Дарья вымыла форму, а Юлия стояла возле окна и листала сообщения от сына.

— У них там весело.

— Это хорошо?

— Не знаю. Греков придумал, чтобы каждый чему-нибудь другого учил. Веня кому-то показывает, как аккорды брать. Сам, представляешь? Ещё недавно заставить нельзя было заниматься.

Она протянула телефон. На фотографии Веня сидел боком к клавишам, рядом с ним теснился мужчина в рабочей куртке. Дарья узнала пожилого посетителя двора. Его крупная рука висела над клавиатурой нерешительно, будто он собирался взять незнакомое животное.

— Он любит, когда его слушают, — сказала она.

Юлия забрала телефон.

— Я тоже его слушаю.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Я за рулём целый день слушаю. Сначала двигатель, потом людей. Прихожу, он мне музыку. Я иногда уже не могу.

Дарья вытерла руки. Ей захотелось объяснить, что не собиралась обвинять, но Юлия продолжила:

— А потом он к другим идёт, и я ревную. Глупо, да?

— Наверное, я бы тоже.

— Ты же уезжаешь.

— Именно поэтому.

Юлия посмотрела на неё внимательнее, чем с самого утра, но ничего не спросила. Они допили остывший чай и разобрали продукты по полкам.

Ближе к вечеру позвонил Филипп. На экране появился незнакомый номер; он представился и спросил, доехали ли они.

— Доехали, — ответила Дарья. — Здесь обычное воскресенье.

— А Юлина мама?

— Она не помнит, что было вчера. Точнее, то, что мы называем вчера.

Филипп вздохнул.

— Понятно.

— Вам понятно?

— Я про то, что вы сказали.

Дарья вышла из кухни в коридор. Из комнаты доносилось негромкое дыхание Антонины.

— Я остаюсь здесь до утра. Посмотрим, что будет.

— Хорошо.

— Вы не хотите меня отговорить?

— А зачем?

Она прислонилась спиной к стене. Этот вопрос оказался разумным и совсем не таким, какого она ожидала.

— Вы вчера знали больше, чем говорили. Я не могу перестать об этом думать.

— Мы можем встретиться, когда вы вернётесь.

— Я могу не вернуться. Поеду дальше.

На этот раз он ответил сразу:

— Тогда созвонимся.

Ей было нечего возразить. Дарья сохранила номер и вернулась на кухню. Юлия что-то подписывала на чистом листе бумаги.

— Маме, — объяснила она. — Если забудет. Как ты чек.

Дарья достала чек из кошелька. Оборот был исписан её рукой. Она положила его рядом с Юлиным листом, и они долго смотрели на две бумажки, прежде чем Антонина позвала из комнаты и попросила помочь ей встать.

Вечером они рассказали ей всё ещё раз. Без лишних проверок: Дарья показала фотографии, сообщения из Выборга, объяснила про тетрадь и порез. Антонина слушала, держа палку поперёк коленей. Когда Дарья закончила, хозяйка попросила телефон и увеличила фотографию её целого пальца.

— Тут ничего нет.

— Да.

— А где до этого?

Дарья развела руками.

Антонина ещё раз посмотрела на снимок и вернула телефон.

— Плохое доказательство.

— Очень, — согласилась Дарья.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Останетесь, конечно. Куда ночью ехать. Юля на диване, а вам я кресло разложу.

— Мам, не надо, я сама.

— Я скажу, где одеяло. Разрешается?

К полуночи кровати были приготовлены, чайник вымыт, окно оставлено приоткрытым ровно настолько, насколько хотела Антонина. Возле её кровати Юлия поставила воду. Мать поблагодарила и попросила наконец перестать ходить вокруг неё.

Дарья легла, не раздеваясь. Она собиралась не спать до шести. Юлия сразу сказала, что тоже будет сидеть, но через двадцать минут начала дремать и сердилась каждый раз, когда Дарья её будила.

В час ночи телефон показал понедельник. Дарья отправила матери ещё одно сообщение: «Я с Юлей, у её мамы. Всё спокойно». Потом открыла письмо из новой школы и прочла его с начала до конца.

Никакого чуда в нём не было. Завуч просила прийти к одиннадцати, взять документы и заранее подумать, согласится ли Дарья на классное руководство. Знакомое предложение согласиться на всё уже дожидалось её в новом городе. Дарья улыбнулась, написала, что постарается успеть, и положила телефон экраном вниз.

Чемодан стоял у двери комнаты. Даже здесь он напоминал не столько об отъезде, сколько о том, что она снова кого-то заставляет ждать.

В четыре Юлия проснулась окончательно и предложила кофе. Они ушли на кухню, притворив дверь. Сели по разные стороны стола, где лежали лист с объяснением, Дарьин чек и Антонинины часы в светлом пластиковом корпусе. Их хозяйка сама принесла из комнаты: «Телефоны ваши друг на друга смотрят. Вот вам нормальные».

Часы тикали громко. В пять с небольшим Дарья нарисовала на листе три квадрата и попросила Юлию подписать их.

— Зачем?

— Не знаю. Хочу что-нибудь запомнить, чего не было вчера.

Юлия написала в первом «кабачок», во втором «кабачок», в третьем подумала и написала «пирог».

Они тихо засмеялись, прикрыв рты, чтобы не разбудить Антонину.

— Пирог был хороший, — сказала Юлия.

— Кривой.

— Хороший кривой пирог.

До шести оставалось двадцать минут. Дарья включила запись на телефоне, направив камеру на часы и листы. Юлия спросила, не надо ли встать рядом, чтобы было видно, что они здесь. Дарья подвинула телефон, подперев его сахарницей. В кадр попали обе женщины, край окна и светлый циферблат.

Из комнаты послышался голос Антонины. Юлия поднялась, вошла к матери и через минуту вернулась.

— Всё хорошо. Спросила, чего мы не спим.

— Ты сказала?

— Что ждём.

Пять пятьдесят семь. Дарья проверила время на экране: часы чуть отставали, меньше чем на минуту. Она произнесла в камеру дату, назвала себя и Юлию, сказала, что они находятся в Рощино. Голос прозвучал неестественно, как в поздравлениях выпускникам, которые приходилось несколько раз повторять перед камерой.

Юлия поправила волосы.

— Мне за маму страшно, — сказала она.

Дарья повернулась к ней.

— Что она останется одна?

— Что я сейчас исчезну, а она проснётся и будет искать. Если не поверит — это одно. А если поверит и увидит пустые кровати?

Дарья посмотрела в сторону комнаты. Она думала об Антонине как о человеке, который утром сможет рассказать, что случилось с ними. Юлия думала о том, что случится с самой Антониной.

— Я схожу, — сказала она.

— Не буди. Я просто… Я хочу до утра остаться.

До шести, если верить телефону, оставалось около минуты. Юлия положила ладонь на стол; Дарья накрыла её своей. Они сидели так, глядя на секундную стрелку, которую Дарье хотелось придержать пальцем.

— Если вернёмся, я тебе сразу позвоню, — сказала Дарья.

Юлия кивнула.

Под ладонью Дарьи вместо Юлиной руки оказалось покрывало.

Телефон звенел под левой рукой. Правая ступня мерзла за краем кровати, из раскрытого чемодана выглядывала папка.

Она не стала смотреть на дату. Набрала Юлию, промахнулась по экрану, набрала ещё раз.

— Я дома, — сказала та вместо приветствия.

— Я тоже.

В трубке было слышно, как Веня что-то спрашивает из соседней комнаты. Дарья поставила обе ноги на пол.

— Позвони маме.

— Сейчас. Ты не отключай телефон.

Ожидание заняло меньше минуты. За это время Дарья успела открыть фотографии: ни записи кухни, ни листа с квадратами, ни магазинного чека там не было. В кошельке чека тоже не оказалось. Среди банковских операций отсутствовали вчерашние покупки и билет. Запасные ключи, отданные Зое Тимофеевне, опять лежали у кровати рядом с основной связкой.

Юлия перезвонила.

— Спит. Вернее, я разбудила. Говорит, приедешь — хлеба купи.

— Не помнит?

— Спросила про тебя. Я сказала, что вчера привезла. Она думает, я опять на работе переработала.

Дарья подошла к окну. Город выглядел утренним и совершенно невиновным: несколько освещённых окон, машина у подъезда, полоска бледного неба над крышей. Где-то далеко осталась женщина, с которой они испекли пирог. В эту минуту она ещё не знала, что знакома с Дарьей.

— Я всё равно поеду, — сказала Юлия.

— Сегодня?

— Ей хлеб нужен.

Дарья посмотрела на чемодан, который опять предстояло чинить, и на жёлтую тетрадь, которую снова следовало отдать.

— Я Вене позвоню, — ответила она. — Скажу, что с вами всё хорошо.

Глава 4. День, который можно потратить

Веня обнаружил, что умеет играть вчерашний переход.

В этом не было ничего удивительного: вчера он повторил его раз тридцать. Удивляло другое. На клавишах опять лежала пыль, которую он стёр перед занятиями, настройки вернулись к прежним, а руки знали, куда идти. Правда, на четвёртом повторении он снова ошибся. Веня выругался, сыграл медленнее и убедился, что чудо не собирается делать за него всю работу.

Мать ушла покупать хлеб для бабушки. Она опять собиралась в Рощино, и Веня не спросил зачем, хотя мог бы. После того как она утром оказалась на кухне с таким лицом, будто потеряла кого-то по дороге, спрашивать не хотелось.

Позвонила Дарья Сергеевна.

— С мамой всё хорошо, — сказала она.

— Я её видел.

— Да. Конечно. Я обещала позвонить.

Веня подождал. Из телефона доносился тихий стук, словно она перекладывала посуду.

— А вы теперь не уедете?

— Пока не знаю как.

— Приходите к нам.

— К вам — это куда?

— Во двор. Вы же всё равно здесь.

Он испугался, что сказал грубо, но учительница ответила без обиды:

— Приду.

— И тетрадь принесите. Только отдайте сразу, я её каждый раз заново забирать не хочу.

— Хорошо.

После звонка Веня ещё раз сыграл переход и нашёл в интернете запись, с которой пытался учиться накануне. История просмотра пропала. Пришлось вспоминать название, ошибаться, смотреть не то и сердиться, пока наконец не нашлось нужное видео с человеком в серой рубашке. Веня остановил запись в середине, взял ручку и написал название на ладони. Посмотрел на надпись и засмеялся. Потом повторил название вслух несколько раз.

К десяти он вынес клавиши во двор мастерских вместе с Петром. Пётр уже успел наладить звук и прикрепить к столбу лист с просьбой не включать свои чайники в музыкальные удлинители. Лист был новый: утренний возврат не пожалел и вчерашнего предупреждения.

— Ты спал? — спросил Пётр.

— Не очень.

— Я тоже. А вроде выспался.

Веня понял, о чём он. Усталость помнилась; глаза, однако, не слипались. Он не стал говорить, что это удобнее школы, потому что Пётр мог ответить что-нибудь взрослое и испортить открытие.

— Аркадий придёт? — спросил он вместо этого.

— Кто?

— Которого я вчера учил. В куртке.

— Придёт. Уже звонил, искал тебя. Сказал, у него всё забылось, кроме названия.

Веня обрадовался больше, чем рассчитывал. Вчера мужчина почти сразу сел за клавиши и попросил показать, как играется что-нибудь нормальное. Под нормальным он понимал мелодию из давнего фильма, которую Веня не знал. Пришлось подбирать на слух с его напевания; мужчина фальшивил, сердился на собственный голос и упорно возвращал их в начало. Когда наконец получилось, он вдруг перестал требовать мелодию и спросил, почему одни звуки вместе красивые, а другие будто не договорились.

Веня объяснял ему почти час. За это время никто ни разу не сказал, что надо убрать со стола, сделать потише или подумать о поступлении.

Аркадий пришёл с пакетом пирожков.

— Это тебе, — сказал он.

— Зачем?

— За науку. Деньги брать откажешься, мне сказали.

Веня посмотрел на Петра. Тот сделал вид, что не слышал.

— Я не говорил, что откажусь.

Аркадий замер с пакетом в руке, потом рассмеялся так громко, что обернулась женщина, ставившая на стол чай.

— Молодец. Сразу видно, самостоятельный человек. Так сколько?

Веня почувствовал, как краснеет.

— Я пошутил.

— Я понял. Но ты имей в виду, мне можно и не шутить. Пирожки-то возьми.

Он сунул пакет Вене, снял куртку и сел за клавиши. Пальцы у него были толстые, с короткими широкими ногтями. Он попробовал сыграть вчерашние четыре такта, промахнулся на третьем звуке и громко вздохнул.

— Вот. Всё сначала.

Веня поставил пакет на край стола.

— Не сначала. Вы же знаете, что промахнулись.

— Раньше тоже знал, когда плохо.

— Тогда покажите, где хорошо.

Аркадий посмотрел на него недоверчиво и сыграл ещё раз. Первые два такта получились. На третьем Веня придержал его запястье, не давая ударить всей рукой сразу.

— Полегче.

— Я и так легко.

Веня хотел объяснить ещё раз, теми же словами, потом вдруг вспомнил Дарью Сергеевну и себя над зачёркнутой страницей. Он убрал руку.

— Давайте вы только левую сыграете. А правую я.

Они начали вместе. Аркадий удерживал два простых звука, Веня подбирал мелодию сверху. Через несколько тактов мужчина перестал смотреть на руки мальчика и начал слушать. Теперь Аркадий вовремя нажимал клавиши и уже не торопился перед следующей нотой. Веня сыграл мелодию ещё раз, потом убрал правую руку и попросил Аркадия подхватить.

Тот ошибся, но уже не остановился.

Когда они закончили, женщина у стола захлопала. Аркадий повернулся к ней с таким удивлением, будто впервые заметил, что во дворе есть другие люди.

— Мы ещё учимся, — сказал он.

— Я слышу, — ответила женщина. — Поэтому и хлопаю.

Веня взял пирожок. Он оказался с капустой, горячий внутри, хотя сверху давно остыл. Впереди был целый день, и впервые с начала этой странной истории Веня не пожалел, что он не следующий.

Дарья пришла с тетрадью и коробкой пирожных. Пирожные стоили неприлично дорого, и она купила их именно поэтому. На минуту задержалась у кассы, собираясь взять что-нибудь проще, потом расплатилась и поймала себя на довольной, почти детской улыбке.

Продавщица улыбнулась в ответ.

— Все сегодня шикуют.

— А вы?

— Я до вечера работаю. Потом тоже что-нибудь себе куплю.

Дарья хотела сказать, что завтра деньги, возможно, вернутся, но продавщица уже повернулась к следующему покупателю. В её работе по-прежнему были очередь, тяжёлые противни и часы до конца смены. Дарья взяла коробку осторожнее, чем требовала мягкая упаковка.

Во дворе Греков переносил стол. Увидев её, попросил подержать край.

— У меня пирожные.

— Значит, вас в первую очередь надо разгрузить.

Он взял коробку и поставил на подоконник, а стол они перенесли вдвоём. Потом Дарья узнала, что на этом столе будут рисовать.

— Кто?

— Кто захочет. Марина принесла бумагу.

Певица в синем платье сидела возле входа в мастерскую и точила карандаши ножом для бумаги. С утра она уже успела научить кого-то распеваться и теперь утверждала, что больше сегодня не споёт ни за какие деньги.

— Тогда будем рисовать бесплатно, — ответил Греков.

— Дима, я же просила. Пока без новых идей.

Он поднял руки и ушёл помогать Петру.

Дарья поставила пирожные на общий стол, отдала Вене тетрадь и спросила про Филиппа. Пётр показал на соседнюю дверь.

— Пришёл. Я сказал, что вы его ищете.

— Можно зайти?

— Постучите. Если работает, бывает, не слышит.

Дверь была открыта. Дарья постучала в косяк. Филипп сидел за узким столом, склонившись над маленькой металлической деталью. Перед ним стояла лампа с круглой линзой, а вдоль стены лежали разобранные часы. Одни тикали, другие молчали; понять, откуда идёт звук, она не смогла.

— Здравствуйте. Я вернулась.

Филипп поднял голову.

— Вижу. Проходите.

Она осталась у двери.

— В шесть. Мы не спали. Сидели на кухне и разговаривали, а потом я опять оказалась дома.

Он отложил деталь на ткань.

— Юля тоже?

— Да. Её мама опять ничего не помнит.

Филипп снял очки и протёр их краем рубашки.

— Вы хотите, чтобы я вам объяснил?

— Хочу понять, откуда вы знали про мой переезд.

— Вы рассказывали.

— Когда?

— Вечером. После музыки.

Дарья сделала шаг в мастерскую. На краю соседнего верстака стоял деревянный футляр, накрытый тканью. Она не стала его разглядывать: сейчас важнее было, что Филипп впервые назвал время.

— После концерта я ушла домой. Вы ушли раньше, после третьей песни. Мы больше не виделись.

Он посмотрел на неё и медленно опустил очки на стол.

— Я знаю.

Дарья ждала.

— Это какая-то другая память, — сказал он. — Я помню, что вы сидели у меня на кухне. Мы ели грибной суп. Вы поставили тарелку на край стола, потом встали, стул качнулся и суп разлился. Немного. На скатерть.

Дарья оглянулась на дверь, за которой кто-то засмеялся. Ей захотелось позвать Петра, чтобы разговор перестал происходить только между ними.

— Я никогда у вас не была.

— Поэтому я и говорю — другая память.

— Может быть, сон?

Филипп коснулся пальцем металлической детали.

— Может быть.

— Но про комнату верно.

— Да.

Её раздражало, что он не пытается защитить свою историю. Если бы начал доказывать, она могла бы возражать, ловить на неточностях, предложить проверить. Филипп как будто соглашался отказаться от собственных слов вместе с ней и ничего от этого не терял.

— Что ещё я говорила?

— Что не хочется начинать заново, но ещё меньше хочется продолжать как есть.

Дарья вспомнила разговор с Петром. Там были стул, сентябрь и знакомый кабинет. Она не произносила этих слов, но вполне могла произнести.

— Это подходит многим людям.

— Наверное.

За дверью Греков позвал Филиппа помочь с заедающим замком на сарае. Тот ответил, что сейчас выйдет, и посмотрел на Дарью.

— Вы не сердитесь. Я не знаю, как вам доказать то, что вы не помните.

— А я не знаю, зачем вам это говорить.

Он открыл рот, но ничего не ответил. Дарья отступила, пропуская его к двери. Филипп взял со стола маленькую маслёнку и вышел во двор.

Она задержалась на секунду. Часы продолжали тикать в разных местах мастерской, из-за чего казалось, что ни одни не идут правильно.

— Садись рисовать, — сказала Марина, когда Дарья вышла.

— Я не умею.

— Тут все не умеют. Умеющий придёт попозже.

Дарья села, больше из нежелания стоять без дела. Марина положила перед ней лист и карандаш. На середине стола уже стояла пустая бутылка с одним сухим цветком.

— Натюрморт? — спросила Дарья.

— Пётр. Он обещал посидеть. Бутылка просто так.

Пётр действительно принёс стул и сел с другой стороны стола. Он держал в руках чашку, которую ему велели не поднимать, и был этим явно недоволен.

— Я соглашался на пять минут.

— Так ты не разговаривай, — ответила Марина. — Быстрее закончим.

Дарья провела по бумаге первую линию. Голова получилась слишком большой, плечо не помещалось, а ухо возникло там, где следовало быть виску. Она закрыла рисунок ладонью, но Марина отодвинула её руку.

— Пусть будет.

— Он обидится.

— На меня уже обиделся. Вместе переживём.

За их спинами Веня и Аркадий снова играли, теперь медленнее. Греков разговаривал с женщиной, которая принесла стопку старых настольных игр. Две девочки спорили над разно-

цветными фишками. Во двор пришёл мужчина с фартуком через плечо и предложил показать, как растягивать тесто для пиццы; сразу образовалась очередь из людей, готовых считать это сложным искусством.

Дарья нарисовала нос и едва не засмеялась.

— У меня не получается.

— У меня тоже, — сказала Марина. — Но я хотя бы не виновата в его носе.

— Я всё слышу, — предупредил Пётр.

Со всех сторон Дарью отвлекали голоса: возле соседнего стола объясняли правила игры, у ворот разбирали устройство старого фотоаппарата, под навесом просили помочь порезать овощи. Каждое из этих занятий прежде требовало свободного дня, денег, предварительной договорённости. Теперь её звали то к одному столу, то к другому, а она всё пыталась нарисовать Петру ухо. Дарья привычно проверила время и вспомнила приятную, ещё непривычную вещь: торопиться сегодня ей было некуда.

Филипп починил замок и ушёл. Она проводила его взглядом, собираясь остановить, но Марина в эту секунду попросила придержать листы, которые разлетались от ветра. Дарья накрыла их ладонями. Когда снова подняла голову, Филипп был ещё у ворот. Она могла окликнуть его. Вместо этого вернулась к рисунку, сердясь на себя за облегчение.

Пётр досидел до конца положенных пяти минут, допил кофе и подошёл посмотреть, что получилось.

Марина показала рисунок без стеснения. Дарья перевернула свой.

— Я на вас так смотрю? — спросил Пётр у Марины.

— Когда чайник включаю не туда.

Он засмеялся и протянул руку Дарье.

— Теперь ваш.

— Нет.

— Я ведь сидел.

Пришлось отдать лист. Пётр рассматривал его долго, слишком долго для приличия. Потом спросил:

— Это борода?

— Тень.

— Хорошо. А это?

— Тоже тень.

— Богатый я человек.

Он вернул ей рисунок, и Дарья, не удержавшись, засмеялась. Пётр сел рядом.

— Вы сегодня спокойнее.

— Я просто выспалась до того, как не спала.

Он подумал и кивнул.

— Вот. Я тоже это заметил.

Дарья свернула лист трубкой. Пётр придвинул ей коробку пирожных. Осталось два: одно с кремом, другое с блестящей ягодной начинкой. Она выбрала с кремом, хотя раньше всегда выбирала более скромное на вид.

— А если завтра не повторится? — спросил он.

— Тогда это будет самое дорогое пирожное в моей жизни.

— И что?

Она отломила вилкой мягкий край.

— Ничего. Съем.

Пётр взял второе, не снимая бумажной подложки. Несколько минут они ели молча, пока Марина не попросила подвинуться: на их месте начиналось обучение вязанию морских узлов.

К вечеру во дворе стало тесно. Греков договорился с соседями, что музыку закончат раньше, чем в первый день; те согласились, если им дадут попробовать пиццу. Певица всё-таки запела. Аркадий сыграл выученную мелодию один, сбился, вернулся на два такта назад и закончил под аплодисменты, от которых покраснела даже шея.

Дарья помогала разбирать общий стол. Перед ней лежали коробки, чашки, обрезки бумаги и недоеденный хлеб. Ничего не хотелось выбрасывать, хотя утренний возврат до сих пор восстанавливал даже то, что уже съели.

— Вы оставьте, — сказал подошедший парень. — Утром само уберётся.

— Может быть.

— Уже два раза убралось.

Дарья подвинула ему пакет.

— До утра ещё мы здесь.

Он повздыхал и начал собирать стаканчики. Греков, проходя мимо, поднял с земли бумажную тарелку и положил туда же. Никаких разъяснений не понадобилось.

Когда стол освободили, он пересчитал оставшиеся стулья и сказал Дарье:

— Завтра можно побольше места сделать.

— Если будет завтра.

— Вот это я и имею в виду.

Она посмотрела на него.

— Вам понравилось?

Греков улыбнулся устало, без привычной готовности немедленно предложить кому-то работу.

— Да. Я лет десять пытаюсь такое устроить. Всё не хватает то помещения, то денег, то людям некогда. Вчера полдня звонил, сегодня они сами пришли.

— Они испугались.

— Сначала. Потом ведь было хорошо.

Дарья не стала спорить. Она помнила, как Аркадий смотрел на клавиши, как Марина смеялась над собственным рисунком и как сама ела пирожное, не прикидывая, стоило ли оно того.

— Было, — сказала она.

У ворот появился полицейский автомобиль. Из него вышли двое; молодая женщина в форме оглядела двор, что-то сказала коллеге и подошла к Грекову.

— Кто здесь за всё отвечает?

Он показал на себя.

— Я, насколько получается. Музыку уже выключили.

— Я слышу. Регина Мартынова. Нам сказали, здесь собираются те, кто помнит вчерашний день.

Греков перестал улыбаться.

— Здесь почти все такие. А что?

— Надо поговорить. Без микрофона и без выступления, пожалуйста. С теми, кто пытался уехать и вернулся.

Дарья поставила пакет с мусором возле стола.

— Я пыталась.

Женщина посмотрела на неё.

— Куда?

— В Рощино. Не спала всю ночь, в шесть опять оказалась дома.

Мартынова повернулась к коллеге и позвала его жестом. Потом попросила освободить два стула, достала блокнот и села напротив Дарьи.

— Рассказывайте с отъезда. Про вокзал тоже. То, что сами видели.

Греков принёс ей воду. Женщина поблагодарила и отодвинула стакан подальше от бумаги.

Дарья положила свёрнутый рисунок себе на колени. От него пахло карандашом и немного кремом. Она разгладила загнувшийся угол и начала рассказывать, как Пётр во второй раз чинил ручку её чемодана.

Глава 5. У кого наступил понедельник

Мартынова слушала, почти не перебивая. Когда Дарья рассказала, как держала Юлию за руку и вдруг оказалась в собственной постели, второй полицейский наклонился вперёд и спросил, не засыпала ли она перед этим.

— Нет.

— Хотя бы на секунду?

— Если человек заснул на секунду, он, наверное, не может вам этого точно сказать. Но я сидела, разговаривала и смотрела на часы.

Мартынова записала ответ. Её коллега откинулся на спинку стула.

— А сейчас вы себя как чувствуете?

Дарья посмотрела на него.

— Лучше, чем утром. Хуже, чем позавчера. Только я не знаю, какое из них вам назвать позавчера.

Он кивнул, принимая ответ, и представился: Илья. В городе он был с середины дня, приехал из Петербурга. До этого, объяснил он, видел только сообщения и разговоры в сети, которые очень быстро начали противоречить друг другу.

— У нас тоже противоречат, — сказала Дарья. — Одни люди помнят, другие нет. Я думала, дело в том, уехал человек или остался. Теперь сама уехала и вернулась.

Мартынова подняла глаза от блокнота.

— До этого вы когда-нибудь ночевали по этому адресу в Рощино?

— Никогда. Я с Антониной вчера познакомилась.

— Адрес запомнили?

Дарья назвала улицу и объяснила, как пройти от остановки, возле которой они вышли из такси. Илья записал в свой телефон. Она смотрела, как он набирает, и не могла избавиться от неловкого чувства, будто знает о его работе что-то унизительное, чего он пока не понимает.

— Утром это исчезнет, — сказала она.

— Возможно.

— У нас исчезло.

— Но сейчас можно позвонить и поговорить, — ответил он. — Раз утро ещё не пришло.

Дарья замолчала. Он был прав, и от этого стало легче признать собственную беспомощность. Она дала номер Юлии. На этот раз запись могла хотя бы успеть принести пользу.

Веня стоял возле навеса, притворяясь занятым проводами. Услышав имя матери, подошёл.

— Она к бабушке опять поехала. Сейчас там.

— Мы спросим, удобно ли ей говорить, — сказала Мартынова.

— Она расскажет то же самое.

— Хорошо.

Веня покрутил в руках моток провода.

— А вы сами помните?

Он обращался к женщине. Дарья поняла это раньше, чем та ответила.

— Да. Вчерашний день помню.

— Тогда чего вы нас спрашиваете?

Мартынова закрыла блокнот, оставив палец между страницами.

— Чтобы знать не только то, что было со мной. Я вчера в Рощино не ездила.

Веня кивнул и потащил провод обратно. Его успокоило простое «помню», которого взрослые почему-то не произнесли с самого начала.

Илья встал и отошёл позвонить Юлии. Дарья осталась с Мартыновой. Та заметила рисунок у неё на коленях.

— Это схема?

— Портрет.

Дарья развернула лист. Мартынова посмотрела на рисунок, потом на Петра, который нёс из мастерской пустую коробку.

— Узнаваемо.

— Вы первая так сказали.

Женщина улыбнулась краем рта и снова открыла блокнот.

— Если уедете ещё куда-нибудь, сообщите. Только не нужно делать ничего опасного, чтобы проверить, вернётся ли всё. Люди уже начинают.

— Что начинают?

— Пока спорят, куда можно залезть. Я бы хотела, чтобы на спорах и закончилось.

Дарья вспомнила Венины ладони на клавишах. Новая способность времени вдруг оказалась не только возможностью заново сыграть неудачный такт.

— А боль вернётся? — спросила она.

Мартынова посмотрела на её целый палец.

— Вы же её помните.

Илья вернулся к столу с телефоном и продолжил разговор сидя. Дарья слышала только его половину: сначала он уточнял слова Юлии, потом заново представлялся кому-то и объяснял, почему звонит. Закончив, он рассказал, что Юлия подтвердила свой вчерашний отъезд и возврат. Антонина тоже взяла трубку, но ни о прошлом приезде дочери, ни о гостевании Дарьи ничего вспомнить не смогла.

Дарья спросила:

— Что вы собираетесь делать ночью?

— Останемся здесь. Передадим, что узнали. Посмотрим, что будет в шесть.

— А если утром не вспомните?

Илья некоторое время молчал, потом записал на отдельном листе рабочий номер и протянул ей.

— Позвоните. Скажите, что мы договорились встретиться в десять возле вокзала. Я должен это хотя бы выслушать.

Дарья взяла листок.

— Его тоже может не быть.

— Тогда номер запомните.

Он произнёс цифры ещё раз. Мартынова ждала, пока Дарья повторит их вслух, и не торопила.

К воротам подошли мужчина и женщина с одинаковыми серыми рюкзаками. Дарья заметила их ещё во время разговора: они несколько раз собирались войти и возвращались на улицу. Теперь женщина решительно прошла во двор, а мужчина остался у ворот, скрестив руки.

— Мне сказали, здесь помогают, — произнесла она.

Греков пододвинул ей стул.

— Садитесь. Вода, чай?

— Мне надо, чтобы ему объяснили.

Она показала на спутника. Он подошёл, потому что после этого стоять отдельно уже не имело смысла.

— Я не против послушать, — сказал он. — Я против того, чтобы нас снимали.

Греков оглядел двор и попросил убрать телефоны тех, кто держал их направленными на новых людей. Пётр увёл Веню к инструментам. Дарья пересела ближе к Мартыновой, оставляя супругам место.

— Ольга, — представилась женщина. — Это мой муж Игорь. Мы из Петербурга. Я помню три воскресенья. Он помнит одно.

— Сегодня третье, — уточнила Дарья.

— Для нас — да. Для него каждый раз первое. И каждый раз он спрашивает, не переутомилась ли я.

Игорь посмотрел на жену.

— А что я должен спросить? Мы утром приехали гулять, ты начинаешь рассказывать…

— Я приехала в субботу! Ты в воскресенье. Я второй раз уже объясняю.

Он хотел ответить, но Мартынова попросила не спешить и задала Ольге вопрос о гостинице. Та достала телефон, показала бронь и переписку с мужем. На экране стояли субботние сообщения: она писала, что уже заселилась; он обещал приехать утром, когда закончит дела.

— Почему отдельно? — спросил Илья.

— У меня встреча с подругой была. Мы давно собирались. Игорь не мог раньше. Решили, я переночую, он утром подъедет и вместе погуляем.

— Сегодня вы тоже проснулись в гостинице?

— Да. И вспомнила, что вчера уже это делала. И позавчера. А вещи опять не собраны, и он пишет, что скоро будет.

Игорь взял телефон у неё из рук, посмотрел на свою переписку и вернул.

— Это я помню. Это было вчера. В субботу.

— А ссору из-за башни помнишь? — спросила Ольга. — Ты хотел туда идти, я сказала, хватит мне уже этих лестниц. Мы потом помирились в кафе. Ты мне ещё кофе заказал без спроса, а я не хотела кофе.

— Оля.

— Ладно. Другой вопрос. Ты вчера сказал, что хотел бы завести собаку.

Игорь открыл рот и посмотрел на неё почти сердито.

— Я тебе это давно говорил.

— Давно говорил, что не хочешь. А вчера согласился. Я полночи выбирала фотографии, чтоб утром показать. Теперь фотографий нет, и ты опять не хочешь.

Греков налил ей воды. Она выпила сразу полстакана и опустила голову.

Дарья смотрела на субботнюю бронь в телефоне. Женщина приехала из Петербурга и помнила. Значит, дело было не в том, где человек живёт. Муж появился позже и не помнил. Дарья пыталась совместить это с девочкой в электричке и взрослым, который отрицал вчерашнюю поездку.

— А во сколько вы приехали в воскресенье? — спросила она Игоря.

— После восьми.

— А в шесть где были?

— Дома. Собирался.

Мартынова повернулась к Дарье.

— Вы про то утро, которое до всех повторов?

— Да. Может, нужно спрашивать про него. Мы всё спрашиваем, местный человек или нет.

Илья вынул блокнот. Дарья назвала Веню, Юлию, себя и попросила Петра подойти. Она не знала, где он был в то первое утро, хотя уже несколько раз думала о нём как о человеке с точно такой же памятью.

Пётр сказал, что спал дома. Веня — что уже вернулся с ночной репетиции и собирался ложиться. Дарья вспомнила его мгновенный ответ на сообщение в шесть. Юлия в это время

была у себя на кухне, готовилась ехать к матери; об этом она рассказала Илье по телефону. Ольга спала в гостинице. Игорь ещё не выехал из Петербурга.

— Мало людей, — сказал Илья.

— Да, — согласилась Мартынова. — Но теперь есть что спрашивать.

Она подняла голову и попросила Грекова найти в толпе тех, кто жил в городе, но ночевал перед воскресеньем в другом месте. Он тут же отправился к столу с играми. Через несколько минут с ним пришла женщина, которая весь день жаловалась, что её муж «ничего не признаёт». Он возвращался с дачи только утром. Дарья попросила прежде всего позвонить ему и спросить прямо, не пересказывая ответ за него.

Ольга сидела рядом, сжимая стакан.

— Так это не у меня?

— Мы пока не знаем, что это, — ответила Дарья.

— Я не про название. Я всё это правда прожила?

Дарья посмотрела на рисунок, который никак не удавалось ровно свернуть.

— Я свой день прожила. И тот, который вы тоже помните. У меня пока только это.

Игорь сел рядом с женой. Ему не стало понятнее, но спорить сразу он перестал.

— Про собаку мы можем ещё раз поговорить, — сказал он.

Ольга закрыла глаза.

— Только не соглашайся, чтобы я успокоилась.

— Не соглашусь.

Она посмотрела на него и неожиданно засмеялась. Игорь осторожно улыбнулся в ответ, словно соглашаться на смех тоже следовало постепенно.

В эту ночь Дарья легла дома. Она оставила телефон рядом, заранее запомнила номер Ильи и сказала матери, что пока остаётся в Выборге. Та попросила не сердиться, если утром спросит всё снова. За день ей прислали столько сообщений и объяснений, что она уже не пыталась выбирать между ними.

— Мам, ты ведь не обязана мне верить сразу, — сказала Дарья.

— Должна же я тебе хоть в чём-то верить. Ты сказала, что поела. В это верю.

Дарья посмотрела на пустую коробку от пирожных, которую зачем-то принесла домой вместе с рисунком.

— Поела.

Перед сном она прикрепила рисунок магнитом к холодильнику. Завтра он, вероятно, исчезнет, но несколько часов мог повисеть. На листе Пётр выглядел сердитым и немного кривым. Дарья поправила верхний угол, чтобы он держался крепче, и пошла спать.

Утром рисунка не было.

Она проснулась от знакомого будильника и впервые не вскочила. Посидела на краю кровати, проверила дату и набрала номер, который повторяла перед сном. Илья ответил после нескольких гудков.

— Это Дарья Рогова из Выборга. Мы вчера договорились встретиться у вокзала в десять.

Он помолчал.

— Кто дал вам этот номер?

— Вы.

— Вчера?

— Для меня вчера. Для вас ещё не было.

Она услышала шорох, какие-то голоса на заднем плане. Илья попросил подождать, отошёл и заговорил тише.

— Вы сейчас одна?

Дарья закрыла глаза. Вчера этот вопрос мог означать заботу. Сегодня он обозначал расстояние, на котором они опять оказались друг от друга.

— Сейчас одна. Вечером с нами были Регина Мартынова, Дмитрий Греков, Пётр Стрельцов. Вы разговаривали с Юлией Бажиной и её матерью. Собирались остаться в городе до шести и передать записи. Я не знаю, что у вас получилось.

Он выслушал её до конца.

— Я свяжусь с Мартыновой.

— Пожалуйста. Она помнит.

После разговора Дарья снова легла и некоторое время смотрела в потолок. Номер она запомнила правильно. Ей хотелось считать это успехом, но пока успех состоял в том, что теперь не надо было искать человека, который ничего не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.